

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Феномен религиозного языка и проблема его описания

Иванов Дмитрий Сергеевич

Аспирант

Тюменский государственный нефтегазовый университет, Факультет гуманитарных и социальных наук, Тюмень, Россия

E-mail: dimitrii_de_argo@mail.ru

На протяжении тысячелетий философы и мистики разных религиозных традиций стремились проникнуть в тайну языка, найти в нём трансцендентные основания или же свойства праязыка. История такого напряжённого внимания к языку оставила богатейшее наследство для истории религии и философии [6].

Перед современным религиоведением остаётся актуальной разработка научного языка – языка описания религиозных феноменов, в число которых входит и язык религии, являясь неотъемлемой её частью. Причём язык религии рассматривается с разных сторон: с лингвистической, философской и др. Нас здесь интересует лишь один аспект, а именно статус языка в той или иной религиозной традиции.

Существует большое количество исследований, посвящённых проблеме взаимоотношения языка и религии. Часто в них отсутствует дифференциация лингвистических феноменов, порождаемых религиозным сознанием: сакрализация алфавита, глоссолалии и т.д. [2], что стирает специфику языковой картины разных религий. Хотя очевидно, что в некоторых из них язык предельно сакрализуется, а в других остаётся чем-то вспомогательным [1].

Из всего языкового многообразия мы выделили три наиболее общих типа феноменов, следовательно, и три модели отношения к языку.

Специфика первой заключается в максимальной сакрализации каждого уровня языка, начиная от фонемы и заканчивая текстом. Такую модель мы назвали «сакральной», как и язык той религии, где такой подход реализуется. В модели «сакрального» языка можно выделить следующие специфические черты:

- табу на перевод центрального священного текста;
- наделение значением как сложных уровней языка (лексемы, тагемы), так и простейших (фонемы, графемы);
- особый герменевтический подход, при котором в качестве методов интерпретации используются операции, основанные на сакральном значении букв и чисел;
- существование специальных наук, посвящённых мистическим, магическим, мнемоническим и др. аспектам языка;
- идея языкового «первородства»;
- наличие практик, построенных на применении «сакрального» языка в целях изменения состояния сознания.

Проиллюстрировать эту модель могут разные религии, преимущественно мистические сообщества, которым свойственно особенно острое переживание бытия. Языковая картина иудаизма – особенно в каббале – имеет все вышеперечисленные черты: идея *лашон ха-кодеш* «защищает» текст Торы от равнозначного перевода; *гематрия*, *тмура*, *нотарикон* применяются в герменевтике; в каббалистических кругах разработаны

теоретическая (*хохмат ха-церуф*) и практическая (*йихудим*) составляющие «сакрального» языка и др. [4].

В исламе – и наиболее ярко в некоторых суфийских братствах (хуруфиты, бекташи, шаттари, нуктавийа) – существуют аналогичные идеи: «сакральный» статус арабского языка [7], операции с числовыми значениями букв [3], а также особые методы работы с текстом (*абджадийа, хисаб*) и наука о буквах: *ильм уль-хуруф*.

Ярким примером выступает индуистская традиция: наличие святого языка Вед – санскрита – и сакрального письма *деванагари*, особых ведических наук о языке, в т.ч. *нерукта*, практики мантра-яны и т.д.

Однако такая модель не всегда применима. Например, при обращении к христианству ни в Восточном, ни в Западном его варианте мы не найдём признанных Церковью «сакральных» языков, хотя история знала «триязычную догму» Исидора Севильского, а также симпатии к ивриту в рамках т.н. «христианской каббалы» в эпоху Ренессанса и Нового времени. Мы считаем, что в этом случае стоит говорить о более узкой – «литургической» – модели языка, поскольку именно на этом «прикладном» уровне (уровне литургии как центра религиозной жизни) формируется языковая картина. Причиной же полилингвизма христианства, возможно, служит то, что внимание традиции по преимуществу сосредоточено на фигуре Мессии.

Похожую ситуацию мы наблюдаем в буддизме, причинами чего являются присущий буддизму релятивизм, а также важная роль основателя религии – Будды [5].

К другому роду феноменов относится следующий пример. Многим из недавно возникших религий, например, религии Бахаи, присуща индифферентность в отношении языка, первоначального для священного писания. В силу их универсалистского характера существует большое количество равнозначных переводов на современные уже сформировавшиеся языки. Однако повлиять на них эти религии не смогут, поскольку не выполняют культуuroобразующей функции, что препятствует сакрализации языка. Современные условия возникновения религии создают свои ограничения в языковой философии. Поэтому при описании подобных религий стоит говорить о другой модели языка, отличной от двух предыдущих.

Абстрактность понятия «религиозный язык», недостаточная разработанность в религиоведении этой темы обуславливают необходимость дальнейшего изучения феномена на структурном, структурно-функциональном, лексическом уровнях, а также на уровне моделирования. Эвристичность сделанных выводов заключается в дифференциации многообразия языковых феноменов, а в перспективе – в нахождении внутренней логики каждой из обозначенных моделей и в исследовании генезиса языковой сакрализации.

Литература

1. Генон Р. Символы священной науки. М., 1997.
2. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М., 1998.
3. Шиммель А. Мир исламского мистицизма. М., 2000.
4. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М., 2004.

Конференция «Ломоносов 2011»

5. Шуон Ф. Очевидность и тайна. М., 2007.
6. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2009.
7. Эрнст К. Суфизм. М., 2002.